

С.В. ФЁДОРОВА

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НА СТРАНИЦАХ ОЛОНЕЦКИХ ГАЗЕТ XIX — НАЧАЛА XX В.

Памяти Регины Борисовны Калашниковой

Хотя дореволюционная периодика Олонейской губ. изобиловала фольклорно-этнографическими материалами, ценность которых стала очевидной еще в XIX в., ее краеведческое направление в целом остается малоизученным. Введены в научный оборот и до сих пор востребованы статьи, опубликованные в газете «Олонейские губернские ведомости» (далее ОГВ), помимо которой существовал еще целый ряд изданий: «Олонейские епархиальные ведомости» (далее ОЕВ), «Олонейская неделя», «Олонейское утро», «Карельские известия», «Известия Общества изучения Олонейской губернии» и др.¹ Все они выходили небольшим тиражом и являются теперь библиографической редкостью, что затрудняет их описание. Удобный библиографический указатель по данным изданиям отсутствует², хотя общее количество публикаций на фольклорно-этнографическую тематику в них исчисляется сотнями.

Благодаря трудам петрозаводских исследователей — прежде всего С.М. Лойгер, А.М. Пашкова и Р.Б. Калашниковой — определена роль, а иногда и воссоздан жизненный путь некоторых значимых фигур олонейского краеведения: Т.В. Баландина, Ф.И. Дозе, К.М. Петрова, А.И. Иванова, И.И. Благовещенского, Н.Ф. Лескова, Н.С. Шайжина, Д.В. Островского, И.М. Дурова, а также священников — корреспондентов Русского географического общества (далее РГО)³. Но о многих и многих авторах фольклорно-этнографических публикаций нам пока не известно ничего, кроме их фамилии и сословной принадлежности, чина или профессии. Каждая пятая статья ОГВ анонимна, каждая десятая — подписана одной буквой, псевдонимом или инициалами, которые, наверное, никогда уже не будут расшифрованы⁴. Подготовка электронного переиздания более 600 статей, написанных неизвестными и малоизвестными ценителями народной культуры, побуждает нас еще раз обратиться к истории олонейского краеведения и поделиться некоторыми наблюдениями. Не претендуя на полно-

ту обобщения, попытаемся очертить круг авторов, публиковавшихся в ОГВ и ОЕВ (двух основных газетах Олонейской губ.), и охарактеризовать их работы.

Редакторы ОГВ, начиная с С.А. Равевского, на протяжении 80 лет существования газеты (1838—1917) неоднократно призывали своих читателей присылать для публикации фольклорные материалы и этнографические очерки, подчеркивая особую ценность записей, сделанных в глухих деревушках, в многочисленных «медвежьих углах» Олонейской губернии. Первые статьи ОГВ на фольклорно-этнографическую тематику — публикации преданий о Петре Великом и описания уездных городков губернии и их истории — вышли в свет в 1838 г., и в дальнейшем с каждым годом (за редкими перебоями) количество таких статей возрастало, достигнув пика в 1870—1890-е гг. Если в 1860 г. редактор сетовал, что «из большей части уездных городов нашей губернии в течение 22-летнего издания местной губернской газеты не было сообщено ни от кого ни одного частного известия»⁵, то в 1902 г. корреспондентов неофициальной части ОГВ укоряли, что они «по большей части дожидаются исключительных и торжественных случаев для сообщения в газету» и «бытовые этнографические особенности разных местностей» не отмечаются в ней постоянно⁶. На данный момент нам известно более 500 статей ОГВ, представляющих интерес для этнографов и фольклористов.

Историческая ценность фольклорных материалов, видимо, была осознана намного раньше, чем художественная, поэтому излюбленным фольклорным жанром собирателей — авторов ОГВ и других местных периодических изданий — стало предание. Количество опубликованных преданий с трудом поддается учету, так как даже в статьях, не имеющих прямого отношения к этнографии и фольклору, иногда при характеристике села или деревни к месту и не к месту упоминается о первопоселенцах или об исторических личностях, побывавших там. Уважение к прошлому родного края, каким бы бедным и неразвитым он ни был, очевидно, с течением времени стало у корреспондентов правилом хорошего тона, знаком, который и в провинции

свидетельствовал о культурном уровне и образованности.

Еще одна разновидность фольклорно-этнографических публикаций, которая быстро прижилась и утвердилась на страницах местной периодики, — это описания приходских праздников, а также святок и масленицы. Подобных описаний было опубликовано около тридцати. Особенно любопытны повторяющиеся описания, сделанные в одном и том же населенном пункте. Больше всего таких повторений приходится на приходской праздник губернской столицы — на Петров день в Петрозаводске, сопровождавшийся ярмаркой и народным гулянием, на которое собирались так называемые «петровские гости» из окрестных сел и деревень. Эти описания позволяют проследить, как городская праздничная традиция постепенно очищалась от своей традиционно-сельской основы. В первой публикации о Петровом дне еще упоминаются «хороводы и игрища», начинавшиеся накануне праздника и продолжавшиеся всю ночь и следующий день⁷, а в последних общим местом становятся сожаления авторов об исчезающем женском народном костюме, которым всё реже можно полюбоваться на праздничной городской улице, и описание праздника сводится к перечислению «номеров» — развлечений, организованных в городском саду в пользу благотворительного общества, из коих самым эффектным признается фейерверк⁸.

В помощь авторам и в ОГВ, и в ОЕВ печатались программы для собирания этнографических сведений. «Программа исследования русской народности» РГО, разосланная по сельскими приходам, в течение нескольких десятилетий служила подробным планом для собирателей народной культуры и, очевидно, существенно облегчала задачу ее описания⁹. Всего в ОГВ и ОЕВ было опубликовано более 20 описаний различных приходов Олонейской губ., некоторые объемом в несколько печатных листов¹⁰.

Кроме того, в ОГВ можно найти более 40 публикаций, включающих тексты мифологического содержания, как бытовавшие изустно (поверья и былички), так и рукописные (народные молитвы, отпуски для скота, заговоры, травники

и т.п.). В ОЕВ подобные статьи единичны и, как правило, проникнуты осуждающим пафосом¹¹. Страницы ОГВ хранят также описания семейных обрядов и тексты, их сопровождающие, причитания и песни, народные юридические обычаи и детские игры, тексты разных жанров речевого фольклора и, разумеется, эпическую поэзию¹². Этим публикаций хватило бы на целую хрестоматию севернорусского фольклора, в которой можно было бы представить практически все основные его жанры. Нельзя не отметить и высокий уровень многих статей, поднимавшийся подчас до научной полемики¹³.

Содержательность ОГВ на фоне ведомостей других губерний, их «статьи научного содержания» и «исследования жизни местного населения» были отмечены еще в XIX в.¹⁴ Этот своеобразный фольклорно-этнографический феномен ОГВ порожден несколькими причинами. Во-первых, его возникновение соотносится с общей тенденцией 1850—1860-х гг., когда пробуждение общественной жизни активизировало провинциальную губернскую прессу. Кроме того, на 1860—1890-е гг., когда ОГВ печатают больше всего материалов фольклорно-этнографического характера, приходится и открытие множества сельских школ, и таким образом существенно возрастает количество образованных людей в селах Олонецкой губ. Сельские учителя — это в большинстве случаев выпускники Олонецкой духовной семинарии¹⁵, в деятельности которой краеведение было одним из важнейших направлений¹⁶, как, впрочем, и в Петрозаводской мужской гимназии. На долю учителей (как сельских, так и городских) приходится почти треть всех фольклорно-этнографических публикаций ОГВ¹⁷. Именно учителями в основном были написаны те ценные и объемные статьи, которые продолжают по сей день активно использоваться в научных работах.

Краеведческий энтузиазм преподавателей гимназии и наставников семинарии, заразивший множество их учеников, возник не на пустом месте. Когда в 1860-е гг. за Олонецкой губ., имевшей репутацию «подстоличной Сибири», утвердилась слава «Исландии русского эпоса», фольклор, особенно эпический, стал предметом гордости олончан. Не случайно ОГВ десятилетиями кропотливо перепечатывали отзывы столичной прессы о выступлениях сказителей, решения о присуждении им медалей и пенсий, доклады об экспедициях и даже речи о былинах и причи-

паниях, произнесенные преподавателем словесности П.Т. Виноградовым перед учащимися петрозаводских гимназий¹⁸. Предметом для отдельной статьи могло стать возвращение сказителя из-за границы в родную губернию и даже высказанное им в случайном разговоре мнение по злободневным вопросам¹⁹. Несомненно, внимание к фольклорной тематике, уважение к носителям народной культуры и почтение, выражаемое ее исследователям, стимулировало грамотных людей собирать фольклор и публиковать свои записи.

Всего нам известно около 50 корреспондентов-учителей, из которых самыми активными авторами оказались Н.С. Шайжин, А.П. Минорский, А.М. Солнышкова, К.Ф. Филимонов, В. Ильинский, М.Д. Георгиевский. Перу выдающегося краеведа К.М. Петрова принадлежит не менее 40 статей²⁰. Работы многих олонечких учителей сопоставимы по качеству со статьями Г.И. Куликовского, А.П. Воронова, Е.М. Прилежаева и других исследователей Олонецкой губ., опубликовавших в ОГВ более 30 статей. Среди авторов ОГВ есть также врачи, чиновники, один купец и шестеро крестьян — волостных писарей. На долю этих авторов приходится более 20 публикаций. Около 40 авторов подписались только фамилией, и их социальное положение нам пока неизвестно.

Немалую роль в формировании краеведческой литературы сыграло и духовенство. В ОГВ статьи священников появились значительно реже, чем работы учителей, — их около 30, причем почти все авторы напечатали только по одной статье. В ОЕВ, выходящих на протяжении 20 лет (1898—1917), священники, дьяконы и даже псаломщики опубликовали более 80 статей, касающихся этнографии и фольклора, а учителя (в основном выпускники и наставники Олонецкой духовной семинарии) — около 20. Всего в олонечкой периодике отмечено более 60 авторов — представителей духовенства. Их вклад в олонечкое краеведение менее заметен, так как общим объемом их публикации значительно уступают статьям учителей. Но десятки работ олонечких священников (описания приходов, созданные в середине XIX в.) не опубликованы и хранятся в архиве РГО и отделе письменных источников Государственного исторического музея²¹, поэтому полностью объем трудов духовенства оценить сложно.

Впрочем, сопоставлять вклад в олонечкую краеведческую литературу духовенства и учительства и тем более противопоставлять эти две группы бес-

мысленно, их разделение достаточно условно. Учителя зачастую были выходцами из среды духовенства и сохраняли с ней крепкие связи — и родственные, и служебные. Так, известные краеведы учителя Н.Ф. Лесков и Н.С. Шайжин оба родились в семьях сельских служителей церкви, получили духовное образование (среднее — в Петрозаводске, высшее — в Петербурге) и работали в Олонецкой духовной семинарии и в Петрозаводском духовном училище²². А.В. Плотников, описавший Лижемский приход, сперва был сельским учителем, а позднее был рукоположен в сан священника²³.

Однако нельзя не отметить, что среди опубликованных в ОГВ и ОЕВ статей работы учителей выделяются своим качеством, стремлением к точности и объективности. На страницах ОЕВ этнография играет третьестепенную роль; во многих статьях наблюдения и детали, представляющие сейчас интерес для исследователей, самими авторами, видимо, не оценивались как этнографические. Эти статьи — путевые очерки, созданные сельскими батюшками²⁴, отрывки из их дневников²⁵, рассказы о чудесах и паломничествах²⁶, многочисленные описания школьных «елок», проповеди, выписки из церковных летописей, заметки на злобу дня и даже материалы уголовного дела²⁷ — составляют основную массу интересующих нас текстов, их около сотни. Публикаций собственно фольклора и этнографических описаний в ОЕВ немного — менее 30, из них треть принадлежит учителям.

Р.Б. Калашникова, исследовавшая этнографические описания олонечких приходов в архиве РГО, отмечала: «От сельских священников, "бок о бок" живших с "предметом исследования", зачастую непосредственно занятых крестьянским трудом, можно было получить детальную и вместе с тем многокрасочную, "объемную" информацию»²⁸. Что справедливо для материалов архива РГО, оказывается не всегда верным для публикаций в ОЕВ. Для сельского духовенства народные обычаи были не столько предметом отстраненного описания, сколько сферой постоянного взаимодействия со своей паствой. В проповедях сельские батюшки предостерегали прихожан от невоздержанного поведения в дни приходских праздников²⁹, на сельских сходах проводили предложения о запрещении молодежных бесед³⁰, нередко пытались запретить существовавшие обычаи, связанные с народным православием, осуждали заговоры, рукописные народные молитвы и святые письма³¹ и т.п. Подчас возникает впечатление, что

для авторов ОЕВ носители фольклора — это лишь простецы, погруженные во мрак язычества и духовной слепоты. Не случайно в ОЕВ значительно реже, чем в ОГВ, встречаются излюбленные местными краеведами Юси сомписес о фольклорных богатствах Олонецкого края, открытых П.Н. Рыбниковым, А.Ф. Гильфердингом и Е.В. Барсовым (и, что характерно, их фамилии бывают даже неправильно написаны)³². Хотя сельское духовенство действительно ближе всех было к крестьянам и имело возможность постоянного «включенного наблюдения» проявлений народной культуры, именно его представители, авторы ОЕВ, были склонны относиться к этим проявлениям с осуждением, описывать их порой тенденциозно и необъективно (в статьях ОГВ также упоминаются попытки воздействия на народную традицию³³, но в целом авторам ОГВ свойствен более отстраненный взгляд на этнографическую реальность). Некоторая тенденциозность, ощущаемая в фольклорно-этнографических публикациях ОЕВ (и отсутствующая в архивных описаниях приходов), видимо, была задана самой редакцией газеты — официального печатного органа Олонецкой епархии. Программа для собирания этнографических и фольклорных материалов (как источника по истории епархии и отдельных ее приходов), предложенная духовенству на страницах ОЕВ в 1899 г., требовала не просто зафиксировать существующие суеверия и предрассудки своей паствы, но и перечислить свои методы борьбы с ними³⁴.

При детальном знакомстве с публицистикой олонецкого краеведения трудно удержаться от избитого сравнения с вершиной айсберга — так много еще скрыто в архивных залежах и нуждается в исследовании и издании. Наши подсчеты подтвердили то мнение, которое уже не раз высказывали исследователи: представители духовенства и выходцы из него были главной местной силой в изучении фольклора и этнографии.

Примечания

¹ Частично фольклорно-этнографические материалы этих и других местных периодических изданий опубликованы (и будут публиковаться далее) на сайте <http://litkarta.karelia.ru>: статьи, в которых упоминаются города, села или деревни, привязаны к соответствующим населенным пунктам на интерактивной карте Олонецкой губ. и Республики Карелия. Большая часть номеров газеты ОГВ и все указатели ее статей размещены на сайте <http://ogv.karelia.ru>.

² Существуют дореволюционные тематические указатели статей ОГВ за 1838—1905 гг., но они неполны и грешат опечатками и неточностями; некоторые содержательные публикации ОГВ по фольклору и этнографии были впоследствии переизданы в «Памятных книжках Олонецкой губернии» и описаны в издании: *Памятные книжки губерний и областей Российской империи: Указатель содержания. Европейский Север*. СПб., 2002.

³ *Лойтер С.М.* Роль краеведов Карелии (Олонецкой губернии) в истории фольклористики // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный энтитет этноса: Материалы рос.-фин. симпозиума. Архангельск, 2004. С. 122—131; *Она же*. Краевед И.М. Дуров и его коллекция поморских детских игр // ЖС. 2005. № 1. С. 33—38; *Она же*. Из истории фольклористики Карелии: учитель-краевед Ф.И. Доце // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. № 11. С. 116—126; *Она же*. Краеведы Карелии в фольклористике (Н.С. Шайжин) // Рябининские чтения—2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 346—349; *Пашков А.М.* Т.В. Баландин — малоизвестный петрозаводский просветитель конца XVIII — начала XIX в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 16—29; *Она же*. Олонецкая духовная семинария и ее вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 38—55; *Она же*. Ф.Н. Фортунатов и изучение краеведения в учебных заведениях Олонецкой губернии во второй половине XIX в. // Традиция образования в Карелии: Материалы респ. науч.-практ. конф., посвященной 165-летию Олонецкой духовной семинарии. Петрозаводск, 1995. С. 54—56; *Она же*. К.М. Петров — исследователь Вытегорского края // Вытегра: Краевед. альманах. Вып. 1. Вологда, 1997. С. 351—389; *Калашникова Р.Б.* Священники-бытописатели Олонецкой губернии середины XIX в. (А. Петропавловский, И. Ивановский, А. Георгиевский) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. № 8. С. 36—47; *Она же*. Священники Плотниковы из села Лижма (устная история семьи) // Кижский вестник. Петрозаводск, 2004. № 9. С. 3—47.

⁴ Те статьи, которые удалось атрибутировать с высокой степенью вероятности, мы не включаем в эту группу.

⁵ Боскоеды // ОГВ. 1860. № 40. С. 163.

⁶ *Еремеев К.* Предисловие // Указатель к «Олонецким губернским ведомостям» за 1895—1900 гг. Петрозаводск, 1902. С. 4.

⁷ Очевидно, молодежь не ложилась всю ночь, чтоб встретить восход в Петров день, когда солнце «играет».

⁸ Петров-день и Петровская ярмарка в Петрозаводске // ОГВ. 1853. № 30; Петров день // ОГВ. 1894. № 51. С. 6.

⁹ *Калашникова Р.Б.* Священник Александр Петропавловский — бытописатель «карельских приходов» Олонецкой губернии

// Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., посвященной 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 181—183.

¹⁰ *Минорский П.А.* Олонецкие карелы и Ильинский приход (Олонецкого уезда) // ОГВ. 1879. № 51—64; *Левин П.* Очерк Горского прихода, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии // ОГВ. 1894. № 46—61.

¹¹ *Ф-н М.* [Филин М.А.], диакон. Колдовство в деревнях и борьба против него // ОЕВ. 1908. № 16. С. 369—371.

¹² Судя по внушительному числу публикаций, очень популярны у читателей ОГВ были также заметки о курьезных встречах местных жителей с медведями (или, реже, с волками) и охотничьи анекдоты; сочетание этнографичности и занимательности позволяет выделить эти тексты в особый публицистический жанр. См., напр.: *Смирнов М.* Случаи охоты на медведя в Повенецкой Карелии // ОГВ. 1874. № 53. С. 651; № 54. С. 664—665.

¹³ *К.Ф.Ф.* [Филимонов К.Ф.]. Слова и выражения, употребляемые жителями Кошутгуской волости в разговорной речи // ОГВ. 1891. № 61—67; *П.М.* «Кошутгуское наречие» // ОГВ. 1891. № 97, 98.

¹⁴ *К-ий М.* Губернская пресса // Новое слово. 1896. № 12. С. 166. Цит. по: *Шурупова Е.Е.* Губернская ведомости во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах Архангельской губернии) // Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX — начале XX в.: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2008. С. 71.

¹⁵ *Афанасьева А.И.* Сельская интеллигенция Олонецкого края во второй половине XIX — начале XX веков // Междунар. науч. конф. по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения-95»: Сб. докл. Петрозаводск, 1997. С. 287—288.

¹⁶ *Пашков А.М.* Олонецкая духовная семинария и ее вклад в формирование интеллигенции Карелии // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 47.

¹⁷ По замечанию С.М. Лойтер, среди редакторов неофициальной части ОГВ тоже преобладали учителя (*Лойтер С.М.* Роль краеведов Карелии... С. 123).

¹⁸ Публичный акт в Олонецкой губернской гимназии // ОГВ. 1894. № 64. С. 5—7; Акт в Мариинской женской гимназии // ОГВ. 1894. № 65. С. 4—6.

¹⁹ *А.С.* Возвращение Рябинина на родину // ОГВ. 1902. № 68. С. 2—3; Голос эпического певца по поводу злободневных вопросов // ОГВ. 1905. № 27. С. 3.

²⁰ Часть его статей подписана псевдонимами, два из которых известны; полной библиографии К.М. Петрова до сих пор нет. Его статьи отличаются такой этнографической точностью, что известный исследователь карел Н.Ф. Лесков, будучи студентом, не удержался и *позаимствовал*

текст очерка К.М. Петрова «Шаменичи» (ОГВ. 1863. № 11, 12; первая публикация: «Русский дневник», 1859, № 131) для своего «Отчета о поездке в Чудской край (Олонекской губ., Лодейнопольского уезда) в 1894 г.» (Живая старина. 1895. Вып. 1. С. 1—13).

²¹ Пашков А.М. Малоизвестный источник по истории православных церковных приходов и монастырей Олонекской епархии середины XIX в. // Православие в Карелии: Материалы 2-й междунар. науч. конф., посвященной 775-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2003. С. 177—178.

²² Крылов В. Николай Феофилактович Лесков (1871—1915 гг.). Петрозаводск, 1916; Лойтер С.М. Краеведы Карелии в фольклористике (Н.С. Шайжин)... С. 346.

²³ Калашикова Р.Б. Священники Плотниковы...

²⁴ Красов В., свящ. Из путевых заметок // ОЕВ. 1904. № 18. С. 563—566; Он же. Сценки и мысли дорожные // ОЕВ. 1917. № 20. С. 412—414.

²⁵ Георгиевский Н., свящ. Из дневника священника Морско-Масельского прихода // ОЕВ. 1899. № 10. С. 25—29; № 14. С. 21—24.

²⁶ Иоанн, иеромонах. Явление Божией матери девочке Агафии (30 ноября 1911 года в среду вечером) // ОЕВ. 1912. № 17. С. 305—310.

²⁷ М.В.П. Найденный труп. — Похищенный труп // ОЕВ. 1912. № 5. С. 116—118; № 6. С. 135—136.

²⁸ Калашикова Р.Б. Священники-бытописатели... С. 36.

²⁹ С.В.М. Поучение в день храмового праздника св. великомученицы Параскевы 28 октября 1903 г. // ОЕВ. 1903. № 24. С. 831—835.

³⁰ Слободжанин. Слободской приход (Вытегорского уезда) // ОЕВ. 1915. № 3. С. 59—60.

³¹ По поводу распространения в письмах одной, неизвестно кем составленной молитвы // ОЕВ. 1903. № 13. С. 455—458; Что такое «Сон Богородицы»? // ОЕВ. 1908. № 14. С. 326—328.

³² Красов В., свящ. Чуточка старины // ОЕВ. 1913. № 11—12. С. 218.

³³ Смирнов И. Ильинский праздник в селе Таржеполе (Петрозаводского уезда) // ОГВ. 1872. № 88. С. 1010—1011.

³⁴ См. подробнее об этом: Розов А.Н. О роли священников в народной культуре Олонекской деревни // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV науч. конф. «Рябининские чтения—2003»): Сб. науч. докл. Петрозаводск, 2003. С. 229—231.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Интерактивный сайт "Фольклорно-литературное наследие Русского Севера"», проект № 06—04—03808в

К.Е. КОРЕПОВА

СОБРАНИЕ НИЖЕГОРОДСКИХ ЧАСТУШЕК 1920—1930-х гг.

(коллекция И.И. Тимина)

Несколько лет назад в Архив Центра фольклора Нижегородского университета поступило собрание частушек И.И. Тимина — около 8000 текстов на отдельных листках в толстой старой папке. Частушки записаны в 1920—1930-е гг. Первые записи датируются 1922 г.¹, последние — 1940-м, записей после 1937 г. мало. Собрание в архив передала нижегородка Л.М. Суругина, которая когда-то была соседкой владельца папки. В конце 1970-х гг. после смерти И.И. Тимина освободили его квартиру и выбрасывали все бумаги умершего. Среди них обнаружилась и папка с частушками. Соседка сочла нужным сохранить ее. Так папка, пролежав многие годы у ее владельца, потом у ее спасительницы, попала в фольклорный архив университета.

К сожалению, собрать сведения о жизни Ивана Ивановича Тимина пока не удалось. По словам соседки, был он человеком образованным, знал несколько языков. Умер пожилым (возможно, родился в последнее десятилетие XIX в. или даже раньше). Судя по материалам, имеющимся в папке, в 1920—1930-е гг. он работал учителем словесности в различных учебных заведениях Нижегородской (Горьковской) области: в «совшколе второй ступени» г. Богородска², в торговом техникуме г. Кулебаки³, возможно, где-то еще⁴ — и всюду давал задание своим ученикам записывать частушки, которые они сами знают, или сделать запись от кого-либо. Таким образом, собрание И.И. Тимина в основном представляет собой записи школьников и студентов техникума⁵, сам же И.И. Тимин являлся организатором и координатором собирательской работы.

Возможно, в 1920-е гг. с просьбой записать частушки Тимин обращался также к родственникам или близким знакомым, проживающим в сельской местности, в основном в Ардатовском уезде Нижегородской губернии, откуда, вероятно, он был родом. Так, есть записи его однофамильца — Констан-

тина Тимина из с. Дивеева. Респондентов И.И. Тимина насчитывается около 200.

Собрание было организовано в научном отношении вполне грамотно: записи сопровождаются фамилией информанта, датой записи (иногда эти сведения вписываются в рукопись Тиминим) и пометками типа: «слышала в своей деревне», «поюца в д. Юрьевеч», «частушки из деревни матушки», «эти частушки я слышала от одной кулебакской девочки», «ходила за ними в деревню Мурзицы», «записано на павловских торфоразработках, 12 верст от Павлова, все рабочие из Меленковской волости Владимирской губернии» и т.п. Подробные сведения об исполнителях, к сожалению, отсутствуют.

В основном записи сохраняются в коллекции в том виде, как они поступили: на одинарных и двойных тетрадных листах, листах формата А 4, полулистах, четвертинках, листочках в 1/8 этого формата, иногда в школьных тонких тетрадях. Количество частушек в одной рукописи колеблется от нескольких (4-5), поместившихся на страницу, до нескольких десятков, иногда переваливает за сотню. Многие записи, особенно 1920-х гг., сделаны людьми малограмотными, без разбивки на стихи или с разбивкой, не соответствующей стихотворному размеру, с грубыми орфографическими ошибками, без знаков препинания⁶, некоторые карандашом, и в настоящее время эти рукописи трудночитаемы⁷. Есть рукописи перебеленные, вероятно самим Тиминим, в толстую тетрадь, в этом случае всякого рода приписки собирателей не всегда сохраняются. Есть сводная машинопись, куда внесена часть текстов с отдельных листов. Иногда в рукописях встречаются следы поздней редакторской правки: исправление орфографических ошибок, постановка пропущенных знаков препинания, классификационные пометы («совр.», «сатир.» и т.п.). Имеются очень ценные пометы, в которых И.И. Тимин выражал свое отношение к подлинной народности текстов: когда попадались куплеты из агитационного репертуара (их немного, в

КЛАРА ЕВГЕНЬЕВНА КОРЕПОВА, доктор филол. наук; Нижегородский гос. ун-т им. Н.А. Лобачевского